

Выловив из горшка полмиски мяса, Чжао-гэр решил обжарить его с чесночными стрелками, а в дополнение просто сварить капусту.

Фан Цзычэнь помогал у огня. Когда сковорода как следует раскалилась, он первым делом выложил мясо, а когда оно зашкворчало и подрумянилось, высыпал следом нарезанные стрелки. Над очагом тут же поплыл дразнящий аромат.

Гуай-цзай, почуяв вкусный запах еще на заднем дворе, примчался на кухню. К счастью, соседи жили далеко, иначе наверняка не удержались бы от пары колких замечаний по поводу такого расточительства.

Едва вбежав, малыш попытался запрыгнуть к отцу на руки, но Фан Цзычэнь уперся указательным пальцем ему в лоб, не давая приблизиться:

— Руки мыл?

— Мыл! — Гуай-цзай вытянул ладошки. — Чистые-пречистые!

— Неужели? — Фан Цзычэнь подхватил его, уложил поперек колен и принялся усердно щекотать. Малыш даже опомниться не успел: его крохотные ручонки оказались в плену, и ему оставалось только извиваться всем телом, заливаясь звонким смехом.

— Отец... ха-ха... плохой! Ха-ха... вредина!

Фан Цзычэнь шутливо шлепнул его по попе:

— Плохиш так плохиш, «хороших»-то яиц всегда жарят.

Подурачившись немного, Фан Цзычэнь усадил сына приглядывать за огнем вместе с Чжао-гэром, а сам отправился мыть капусту.

У Чжоу-гэра урожай выдался на славу: он так заботливо ухаживал за грядками и исправно собирал вредителей, что на листьях не было ни единой дырочки. Кочаны вышли плотными, каждый фунта по три-четыре. Столько за раз явно не съесть, так что одной обжаренной миски вполне хватало на ужин.

Чжао-гэр украдкой наблюдал за мужем, и в груди у него разливалось невыразимое тепло.

«С ним так спокойно... — думал он, и это чувство было удивительно уютным. — Будто даже

если небо на землю рухнет, не о чем будет беспокоиться. Он всё уладит»

Фан Цзычэнь, пристроившись в сторонке, мыл овощи. Движения его были непривычными, даже немного неуклюжими. В этой глуши ханьцзы никогда не прикасались к кухонным делам. Здесь до сих пор чтително изречение о том, что благородному мужу не пристало ошиваться у очага, и считалось, что стоит мужчине помыть чашку — и он уже вроде как не мужчина.

Когда Фан Цзычэнь впервые взялся за грязную посуду, Чжао-гэр попытался его остановить, мол, это дело гэров и женщин. Но Цзычэнь тогда лишь отмахнулся:

— Это еще почему? Мужчины что, не едят из этих тарелок?

Фан Цзычэню было плевать на подобные предрассудки. Он не мог позволить себе сидеть барином и ждать обеда, пока супруг трудится не покладая рук. Пусть он сам ходил на работу, а земли у них не было, он видел: Чжао-гэр ни минуты не сидит без дела. Таскать воду, убирать двор, собирать хворост и дикие травы — это был тяжелый и бесконечный труд, порой куда более изнурительный, чем его собственный.

Листья капусты он промывал тщательно, один за другим. Зная, чем здесь поливают грядки, Фан Цзычэнь просто не мог позволить себе небрежность.

— Чжао-гэр, я всё помыл. Что еще сделать?

Чжао-гэр протянул ему лопатку:

— Подмени меня здесь, а я пока нарежу овощи.

— Ладно.

— Я еще не солил, — обернулся Чжао-гэр. — Добавь немного и пару раз перемешай, стрелки быстро дойдут.

Фан Цзычэнь взял солонку с крошечной фарфоровой ложечкой внутри.

— А сколько это — «немного»?

Тот, уже занятый нарезкой, не оборачиваясь, бросил:

— Ну, чуть-чуть.

«Чуть-чуть»? Это сколько? И целая ложка — немного, и половина — тоже вроде как раз.

Переспрашивать он не стал. В конце концов, даже если он не великий повар, то хоть раз-то видел, как это делается!

Он насыпал пол-ложки, перемешал и, подцепив кусочек постного мяса, подул на него и протянул сыну:

— А ну-ка, малец, попробуй. Хватает соли?

И тут он не удержался от каверзы. Стоило Гуай-цзаю потянуться губами к мясу, вытянув шею, как Фан Цзычэнь приподнял палочки. Малыш встал на цыпочки, но стоило ему коснуться добычи, как палочки снова взмыли вверх.

Гуай-цзай облизал губы, надулся и вцепился отцу в ногу:

— Отец вредный!

Фан Цзычэнь весело рассмеялся:

— Ладно-ладно, не дуйся, держи.

— А-ам! — Гуай-цзай вмиг проглотил мясо, и глаза его довольно сощурились.

— Ну как? Хватает соли?

Малыш усиленно закивал:

— Вку-усно!

— А то! — Фан Цзычэнь не преминул присвоить себе все лавры. — С моим талантом даже жареное дерьмо будет пахнуть божественно.

Чжао-гэр лишь фыркнул — скромности его мужу было не занимать.

Капусту жарили отдельно, не жалея свиного жира. Благодаря кулинарному мастерству Чжао-гэра ужин удался на славу, и Фан Цзычэнь остался крайне доволен.

После еды солнце еще не окончательно скрылось за горизонтом — летние дни в этих краях были долгими. Чжао-гэр нагрел воды и принялся мыть Гуай-цзая прямо во дворе.

Фан Цзычэнь устроился рядом. Обычно волосы малыша были стянуты в забавный пучок, но

сейчас они рассыпались по плечам, а от горячей воды его щечки разругались.

Цзычэнь легонько ущипнул его за нос:

— И в кого ты такой милашка? Прямо как девчонка.

Гуай-цзай, стоя голышом в тазу, возмущенно выпрямился:

— Я не девчонка! У меня пипирка есть!

Фан Цзычэнь так и покотился со смеху:

— А! И то верно. Раз есть пипирка — значит, мужик.

Чжао-гэр строго глянул на них обоих:

— Не болтайте глупостей.

Гуай-цзаю не терпелось поиграть с отцом, и он заканючил:

— Папа, ну я уже чистый?

Чжао-гэр хотел было ответить, но Фан Цзычэнь присел рядом с тазом:

— Дай-ка посмотрю... Ой-ой, да тут еще отмывать и отмывать! — Он указал на маленькие сосочки на груди сына. — Видишь, здесь еще не белое.

— Это же сиси! — Гуай-цзай сам потер грудь ладошками. — Они такие и должны быть. И у папы такие, и у меня. Это не грязь!

Чжао-гэр:

— ...

Фан Цзычэнь просто приснул со смеху, едва не повалившись на землю.

Ночью разразилась сильная гроза. За окном бушевал ураганный ветер, а летний ливень

нещадно хлестал по крыше. Фан Цзычэню пришлось подхватить доски и перебираться в соседнюю комнату. Чжао-гэр с Гуай-цаем на руках поспешил за ним.

— Может, всё-таки стоит починить крышу? — спросил он. — Каждый раз во время дождя так метаться — одно мучение.

В кошельке у Фан Цзычэня было негусто. Солому Хэ Си с ребятами уже заготовили, оставалось только перекрыть, но Цзычэнь, подумав, покачал головой:

— Давай повременим. Если сейчас всё плотно заделать, в доме станет слишком душно, совсем спать не сможем.

В этом мире не было ни кондиционеров, ни вентиляторов. Когда Фан Цзычэнь только появился здесь, он долго не мог привыкнуть к ночному зною. Соломенная крыша плохо спасала от жара, и если закрыть все щели, то при таких крошечных окнах дом превращался в настоящую печь.

Чжао-гэр, привыкший к местному климату, не видел в жаре ничего особенного, но спорить не стал:

— Как скажешь.

В начале седьмого месяца на межах зазеленела фасоль. Стоило Фан Цзычэню утром уйти на работу, как Чжао-гэр собрал вещи, позвал сына и, взвалив на плечи плетеную корзину, отправился к тетушке Лю.

По пути они встретили саму хозяйку и Чжоу-гэра.

— Куда это вы путь держите? — поинтересовался друг.

Чжао-гэр не стал скрывать: он хотел купить у них фасоли. Тетушка Лю лишь махнула рукой:

— Зачем еще покупать? Если хочешь — иди на поле да рви сколько влезет.

— Мне нужно много, хочу замариновать кислую фасоль, — пояснил Чжао-гэр.

Его Фан Цзычэнь был тем еще неженкой: простую рисовую кашу в рот не брал. Раньше Чжао-гэр готовил ему побольше сытных блюд, но с наступлением жары у мужа совсем пропал аппетит. По вечерам он едва ковырялся в тарелке, и Чжао-гэр решил приготовить что-нибудь эдакое, что пробуждает вкус.

Маринованная фасоль — самое то! Если её мелко нарезать и обжарить с чили и мясным

фаршем, получится невероятно ароматно и вкусно. Деревенские такое не особо жаловали — в животах и так жира мало, а если еще и кислое есть, то совсем тяжко станет.

Тетушка Лю понимающе усмехнулась:

— Это, небось, для паренька Фана стараешься?

Вчетвером они вышли в поле. Гуай-цзай, который уже умел помогать по мелочи, послушно собирал стручки вслед за отцом.

— Да, — ответил Чжао-гэр. — В последнее время слишком жарко, он совсем осунулся. Хочу порадовать его чем-нибудь эдаким.

Тетушка Лю и Чжоу-гэр принялись помогать со сбором. Старая женщина, повидавшая на своем веку немало, рассудила:

— Это у него, должно быть, акклиматизация.

— Это как? — не понял Чжоу-гэр.

— Да слышала от людей, — пояснила тетушка Лю. — Это когда человеку на новом месте непривычно. Вот как мы с твоим отцом когда-то с севера бежали — тоже долго привыкнуть не могли. И еда другая, и жилье не такое... Поначалу всё казалось чужим и неудобным, но пожили подольше — и обвыклись.

Чжао-гэр задумался и кивнул:

— Похоже на то. Он постоянно жалуется, что у нас слишком жарко. Раньше по ночам долго ворочался, прежде чем уснуть.

— Это он еще жару не видел! — удивился Чжоу-гэр. — Вот в восьмом-девятом месяце ему и впрямь придется несладко.

Деревня Сяохэ лежала на юге империи Великая Ся, но климат здесь имел свои особенности. Пятый-шестой месяцы были терпимыми, а вот к восьмому, когда начиналась самая страда, наступал настоящий зной.

Чжао-гэр вспомнил, как Фан Цзычэнь просыпается по утрам с мокрым лбом, и в сердце у него кольнула тревога:

— Даже не знаю, что и делать. Мне кажется, он даже похудел немного.

Тетюшка Лю попыталась его утешить:

— Ничего, со временем привыкнет. В жару все едят похуже, вот и сходят с лица. Парень он молодой, крепкий — не пропадет. — Видя, что супруг Фана всё еще хмурится, она добавила: — Приготовь ему то, что он любит. Маринованные стручки — отличная штука, аппетит враз вернут.

— Угу, — кивнул Чжао-гэр. — Я так и думал.

В деревне поговаривали, что богатые господа в городе с наступлением лета покупают лед. Правда это была или вымысел — никто толком не знал. Лед ведь бывает только зимой, а как потеплеет — тает без следа, как его до лета удержать? Многие считали это сказками, ведь за порог господских домов никого из простых смертных не пускали.

Но Чжао-гэр знал — это чистая правда. Пока его не похитили, семья жила в достатке, и летом в его собственной комнате всегда стояли две кадки со льдом.

Теперь же он мало что мог сделать, да и денег было в обрез, так что его забота о муже выражалась в таких вот мелочах.

Корзина быстро наполнилась доверху. Он никогда раньше не продавал овощи и не знал, сколько это может стоить. Когда он спросил Чжоу-гэра о цене, тот наотрез отказался брать деньги.

Тетюшка Лю тоже поддержала сына:

— Фасоли в этом году уродилось много. Если не соберешь — всё равно на корню сгниет, продать всё не успеем. Так что забирай и не думай. И впредь приходи, рви что нужно, не чужие ведь люди.

В деревне овощи с собственного огорода ценились меньше всего. Летом у каждого на грядках густо, на рынке в городе конкуренция такая, что и за бесценок не всегда сбудешь.

Чжао-гэр всё равно достал двадцать вэней и вложил в руку Чжоу-гэру, крепко сжав его ладонь:

— Если не возьмешь — в следующий раз пойду в город покупать.

После этих слов Чжоу-гэру пришлось уступить.

В деревне был один мастер по обжигу, и Чжао-гэр купил у него большой керамический чан. Вещь была недешевая — двадцать шесть вэней. Взвалив корзину на спину, он направился к реке, чтобы помыть урожай. Гуай-цзай, словно хвостик, следовал за ним шаг в шаг.

Теперь они были не в семье Ма, и отец очень жалел сына — солнце припекало всюду. Он пытался оставить малыша дома, но тот и слушать не хотел. С малых лет Гуай-цзай не мог сидеть сложа руки:

— Я буду помогать папе, чтобы папа не уставал!

<http://bllate.org/book/15357/1427732>